

Шаг в небо

Кристина проснулась оттого, что от ее кожи кто-то больно отдирает лейкопластырь. Ойкнула, открыла глаза и, оглядевшись вокруг, поняла, что это какой-то нереально большой лейкопластырь. С волосами, руками, ногами, сопящим носом и твердым членом. Больно же было оттого, что во сне она попыталась выбраться из-под огромной, вдавившей ее в недра кровати руки, а в связи с невыносимой жарой ноги с псевдолейкопластырем склеились и разлепились весьма болезненно. Все это Кристина подумала в течение нескольких секунд. Потом она подумала еще немножко, в надежде, что придет озарение и найдется ответ на вопрос, сформулированный ее любимой шуточкой: «Куда я попала? Где мои вещи?».

Итак. Вчера она...Со вчера получалось плохо. Можно даже сказать совсем некудышно. Не было в ее памяти вчера. Не отчаиваться. Позавчера. С позавчера дела обстояли еще хуже. Его почему-то тоже не было.

«Я ничего не помню. Совсем. Меня зовут Кристина. Мне 24 года. У меня черные волосы, стрижка каре, длинный прямой нос, ровные белые зубы и месячные. Отлично. А кто этот...медведь, кем он приходится мне и что происходит...» Толкнула локтем сопящего рядом медведя.

- А? Что? Ты чего так рано проснулась, Крестюш? Суббота ведь, - после произнесенной фразы медведь сгреб ее огромной ручищей и придвинул к себе. Твердый член по-прежнему нагло тыкался в испуганную Крестинину попу. Такое соседство ни попе, ни Крестине отчаянно не нравилось. Поэтому они, проявив чудеса гуттаперчивости, выбрались, из-под ста килограммового пресса.

-Чего тебе не спится то? Куда ты? – затрубил медведь снова.

-В туалет, - пискнула Кристина и покинула царское ложе, мельком бросив взгляд на окно, в котором было видно только голубое небо. «Неестественно голубое небо», - отметила про себя Кристина, «как красками нарисованное, только галочек в виде чаек не хватает».

Покинув комнату, она стала методично обследовать тот дом, в котором оказалась, о котором абсолютно ничего не помнила в целом и узнавала каждую вещь в отдельности.

Вот этот комод они купили три года назад.

- Ну и зачем нам этот комод? У нас же квартира совсем в другом стиле. В модерновом, а этот старый и задрипанный!

-Ничего ты не понимаешь, - кипятилась Кристина и любовно гладила потрескавшееся дерево. По руке, до самого сердца растекалось тепло, и сердце настоятельно требовало комод.

-Олежик, - грустно сказала Кристина, - мне нужен этот комод. Понимаешь?

Олег не понимал. Он не чувствовал тепла. Он лишь видел то, что видел. Дубовый, старый комод, с мутным зеркалом и двумя отвалившимися ручками. Еще ему почему-то казалось, что где-нибудь в нижнем ящике обязательно будет мышиное гнездо, а мыши всегда вызывали у него не очень приятные ощущения. Не то, чтобы он их боялся. Да и вообще, где вы встретите тридцатидвухлетнего сильного и состоятельного мужчину, который бы боялся мышей? Точнее, где вы встретите мужчину, который вам в этом признается? И, если в мышье-боязни Олег вполне мог не признаваться, то в том, что он не может отказать Крестинке, он давно внутренне себе признался. Еще в тот день на заливе.

- Раз нужен, значит, купим, Крестюшка. Ну-ка улыбнись!

Сейчас комод был со всеми восьмью ручками. Он сверкал отполированными боками, и в зеркале отражалось испуганное, но совсем не мутное Кристино лицо. Она положила на комод руку, он был таким же теплым, как песочек на заливе.

Они с Гердой пришли позагорать и даже может искупаться. Хотя вроде купаться еще рано – май. Жара стояла уже третью неделю, и Кристине казалось, что асфальт плавится, и резиновые шлепки прилипают к нему. Поэтому они пошли на залив рано-рано утром, пока еще не так жарко, нет людей, детей и Герда может побегать. Они боролись, весело хохоча и гавкая, поднимая песчаные бури, а потом она обнимала Герду, а Герда дышала ей в ухо и лизала щеку шершавым языком.

-Герда!- из глубины квартиры послышалось кляцанье коготков по паркету. Лохматая черная собака, виляя хвостом, подошла к ней и уставилась вопросительно.

- Ты Герда? - на всякий случай уточнила Кристина. Собака утвердительно кивнула. Привет,- шепотом сказала ей Кристина, села на пол и уткнулась, давась слезами в мохнатую собачью шею. - Что же со мной происходит, Герда? Что?!!

Вдруг Герда вырвалась из цепких объятий хозяйки и тревожно гавкнула. В их сторону двигался огромный дядька. Когда он подошел совсем близко, Кристина увидела молодые и добрые глаза, растрепанную шевелюру темных волос и никак не вяжущийся с этим образом деловой костюм.

-Привет. Я Олег. Я увидел, как вы играли, и решил, что никогда не прощу себе, если не познакомлюсь с девушкой с таким задорным смехом и длинными ногами.

- Это ты из модных, молодежных пикаперских сайтов подчерпнул, что знакомится надо нестандартно? Не банально там, как пройти в библиотеку, а таким вот изподвыподвертом?

- Неа, мне просто захотелось оказаться на месте твоей собаки. Чтоб ты меня вот так трогала и трепала. Я б, наверное, тоже лаял от восторга.

- А палку мне будешь носить?

- Буду. Еще тапочки и газету.

Газету Герда держала в зубах. Кристинин живот протяжно заурчал, она встала и решила, что впадать в истерику еще рано и отправилась на поиски кухни. Кухня нашлась буквально за следующей дверью. Помещение почти без мебели с круглым столом, плитой, холодильником и кофеваркой. Еще там были парочка табуреток и гора посуды в раковине. Венчала этот Эверест белая, с отколотой ручкой кружка с коровой. Кристина бережно взяла кружку и включила воду.

-Не щекочи меня!! Не щекочи меня, я посуду мою! – с характерным звуком блямс кружка выскользнула из мыльных рук и тюкнулась об пол. Ручка откололась и прозвенела куда-то под кресло.

-Олеeeeeeeeeег!!! Что ты наделал??? Моя любимая, мне ее мама подарила! Мама!!!

-Золотко, извини, я не хотел, ну она же не разбилась. Только ручка откололась. Мы ее приклеим. Не переживай так, - телефонный звонок прервал их диалог, - да, я слушаю вас, Виктор Петрович, - Олег поднялся с пола, так и не достав кусочек кружки, и вышел. Кристина опустила на коленки, пошарила рукой под креслом и вытащила ручку.

Сполоснув кружку, она открыла холодильник, нашла там пакет с молоком и банан. Уселась на табуретку и попыталась собрать хотя бы кусочек мозаики своих воспоминаний. Медведя зовут Олег и он ее муж. Собаку зовут Герда и это ее собака. Комод никак не зовут, но она зачем-то помнит, как они его покупали. Не густо. А еще они с Олегом почему-то не приклеили ручку к кружке. И кресла, под которое она закатилась, на кухне нет. И вообще это была другая кухня. Маленькая, с занавесочками в красную клеточку.

-Смотри, как здорово, Крестюша! Так у нас с тобой сразу уютно стало с этими занавесочками!

Кристина скептически смотрела на красно-белую материю, стараниями Олега водруженную на карниз кухонного окна. Но он был такой радостный, что сказать ему о том, что стиль кантри далеко не предел ее мечтаний она была просто не в силах.

- Ага, мне тоже очень нравится! Знаешь, что я сегодня в газете вычитала? Во что еще твой Суздальский еще деньги вкладывает?

- Опять ты читаешь эти бульварные газетенки? Я вот не понимаю, как тебя тонко чувствующую художницу не тошнит от их манеры трясти чужим грязным бельем...

- Олег, тормози. Неоднократно это уже тобой обсуждали. У всех есть свои маленькие слабости. Так, знаешь, во что он вкладывается?

- Нет, конечно, и знать не...

- Хочешь. А я все равно расскажу. Он купил какой-то НИИ, микробиология пополам с нейрохирургией. И одна из наиболее перспективных разработок...

Кристина развернула газету и прочитала кричащий заголовок первой полосы: «Скандальный роман бизнесмена Олега Санникова и певицы Олеси Шмель, стр. 3». На фото был ее вроде бы муж Олег с длинноногой девицей с сиськами. Кристина открыла третью страницу.

« Светская хроника. Вчера нашему репортеру удалось попасть на празднование по случаю дня рождения олигарха Виктора Петровича Суздальского. Владелец сети известных магазинов парфюмерии и косметики собрал весь питерский бомонд в парках Петродворца. Были там и фейерверки, посерьезнее, чем в Москве во время празднования дня победы. Было шампанское Вдова Клико, которое лилось не то, что рекой, а Неогарским водопадом. Куча приглашенных звезд по очереди голосили в микрофон. Среди гостей был так же замечен хороший друг Суздальского бизнесмен Олег Санников. Как нам известно, Олег давно и прочно женат на любимице Европейских художественных галерей Кристине Освальд. Несколько лет назад, семья пережила тяжелую трагедию - в автокатастрофе погибла мать Кристины. Художница до сих пор не оправилась от этой утраты, она регулярно посещает психоаналитика, а отношения с мужем стали намного холоднее. Ведь именно он в тот день был за рулем автомобиля...»

Она слышала, как открылась дверь комнаты, и шаги Олега стали приближаться к кухне. И вот уже он сам появился в дверном проеме, молча подошел и забрал газету.

- Опять двадцать пять, Крестюша, где ты взяла эту дрянь? – при всей напускной бодрости его голос дрожал. Как же это страшно, когда у большого и сильного дрожит голос.

- Я ничего не помню, Олег. Я с трудом вспомнила, что ты мой муж, а Герда моя собака. А тут эта газета. И ты там с Олесей. И про маму...

- Поехали, мам, ну давай быстрее собирайся! У меня выставка сегодня, а ты копаешься.

Кристина мерила шагами маленькую кухню с красно-белыми занавесочками, потом не выдержала, забралась в кресло, откинулась на спинку и утомленно закрыла глаза. Все эти бесконечные разъезды, какие-то непонятные дела Олега с Суздальским и со здоровьем проблемы. Врачи даже запретили ей водить машину из-за краткосрочных обмороков. Но она все равно водила. А куда сейчас без машины?

- А вот и я! Поехали, Крестюш! – мама была вся такая летняя, воздушная, при взгляде на нее Кристине всегда хотелось улыбаться и быть маленькой девочкой. Ведь маленькой быть легче. За маленьких все всегда решают большие. Маленьким можно плакать и капризничать. С мамой и Олегом Кристина была маленькой. Она любила забираться к ним на коленки, обхватывая руками шею, шептать что-то невразумительное на ушко, вдыхать их запах. Они пахли по-разному – Олег верностью и силой, мама нежностью и любовью. Четыре любимых запаха, без которых она не мыслила свое существование.

Они спустились вниз, сели в машину и поехали.

- Поехали, Кристина. Тебе надо к врачу,- посеревшей Олег сгреб ее в охапку и понес одевать в комнату. Он разговаривал с ней, как с ребенком, одевая в джинсы и кофточку, он расчесывал ей волосы и завязывал шнурки на ботинках. Левый шнурок никак ему не давался. Руки тряслись и никак не хотели завязывать бантик.

-Я завяжу, одевайся пока сам. У тебя роман с Олесей, да?

- У меня роман, Олеська!! Он такой...ты себе даже не представляешь, какой он!!! Один из лучших людей на земле.

- Один из лучших? Отчего же не самый лучший?

- Потому что еще есть ты и мама!

Олеся смотрела на нее и злилась. Почему этой дурочке так везет? Хотя нет, она не дурочка. Она просто ненормальная. Живет в каком-то вымышленном мире, где каждый человек наделен запахом, где собаки все понимают, картины живые. Олеся любила Кристину. Но по-своему. Когда ей было плохо – она была рядом, утешала, поила сладким чаем, незаметно засовывала деньги в кошелек, пила с ней в кабаках водку. Она умела веселиться вместе с Кристиной, они смеялись с ней до колик в животе и боли в щеках. Но она совсем не умела радоваться за нее. За ее успех у мужчин. Или в профессиональной сфере. Зависть затапливала сознание Олеси, и она предавала ее.

- С того момента, как мы с мамой попали в аварию, да? Когда я позвонила тебе в истерике с трассы, ты примчался, отправил меня в город и взял всю вину на себя. Ты боялся, что меня осудят по статье «убийство по неосторожности» ведь мне нельзя было водить. А, когда ты понял, что я не смогу жить с чувством вины, то повез меня в этот суздальский НИИ, чтобы они стерли отрезок памяти про аварию. Но технологии несовершенны. Я забыла про аварию, но вместе этим стала забывать и все остальное. Все думали, что этот процесс необратим. Где-то раз в неделю я просыпалась с полным непониманием происходящего. И ты снова вез меня в НИИ. Человеческий мозг – удивительная штука. Я сама не знаю, что будет завтра. Но одно

знаю точно. Этот мир перестал пахнуть жизнью. Он пропах предательством и ложью.
Ты пытался меня спасти, Олежик.

А потом она шагнула в неестественно голубое небо.